
ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Лесная ведунья
книга первая

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *Риа Ри*
и *Анастасии Городецкой*

Звездная, Елена.

3-43 Лесная ведунья. Книга первая / Елена Звездная. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Звездное Настроение).

ISBN 978-5-04-111927-0

Сказочно живется ведьмочке Весе в Заповедном лесу! И чудеса есть, и с лешим бродит, и русалки присутствуют, не на ветвях, правда, а в реке ближней, зато с весьма привлекательным водяным. И кот Ученый имеется, и ворон Мудрый, и даже дуб Знаний, который вообще-то для этих самых знаний и подготовки к экзаменам полагается, но так-то почитать о приключениях на досуге предпочитает, и Веся это увлечение с ним разделяет. В общем, живет себе ведьмочка, не тужит, серые волки ей верно служат, Силушка Лесная помогает, и горя никто не знает.

Но однажды пересекается тропа заповедная с дорогами сильных мира сего, и теперь лесной ведунье придется решать: прятаться ли и дальше от своего прошлого или вступить в бой опасный с врагами давними, чтобы спасти себя, свой лес да того, кого осудили жестоко и несправедливо.

Сказка начинается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111927-0

© Звездная Е., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Книга первая

Ловушку я ощутила сразу. Как ступила через порог, так и ощутила. Гостей-то еще раньше почувяла, из-за них мне в избу возвращаться и пришлось, а вот ловушку — только сейчас.

И вот что странно — я в избе к приему гостей ну от силы минут десять готовилась, а они за это скромное время нехилую яму выкопать умудрились. Да споро-то как! И филигранно. И формы такой... прямоугольно-намекательной. И я вот сейчас не поняла слегка, они меня ловить собираются или хоронить вознамерились?

И кто там копает со скоростью неимоверной-то?

Они что, взаправду погребальную команду наняли?!

Просто, кто ж еще так ямы копает?! Тем, кто фундамент для дому готовит али колодец какой роет, такая скорость не надобна, там основательность подхода в приоритете, а вот тем, кому на погосте последнее пристанище для бранных остатков требуется соорудить, да по-быстрому до захода солнечного управиться, те как раз по скорости первые. Ну и вид у ямы этой очень уж характерный и недвусмысленный. Из тех, что хотелось бы забыть, а еще лучше вообще не знать.

Постояла, подумала, снова силою магической к земле лесной потянулась. Да, все верно ощутила — ловушка была аккуратной прямоугольной формы. Точно копали не яму ловчую, а место упокоения посмертного. И вот как-то обидно мне стало. Не то чтобы там очень уж суеверная была, но кто ж для поимки невесты могильщиков нанимает? У людей вообще хоть какая-то совесть есть?

Еще постояла, прислушиваясь к шелесту листвы, к шепоту ветра, к лесной нечисти, откровенно готовящейся потешиться, к животине, тоже не собирающейся отказывать себе в удовольствии развлечься, и к охотничкам, что на меня охотиться собрались.

«За третьим поворотом от могучего дуба копали. Да яму такую странную понавыкопали... — шепнул мне ветер. — И не одну».

Точно мастеров скорбных дел подрядили!

«Яда нету, одни сонные зелья», — добавил грибовик, высунувшись из-под пня.

Оно и неудивительно, жениться на умертвии охотников нету, так что яду и не ждала. Однако ж и спящую девушку к алтарю тащить тоже такое себе удовольствие, как по мне.

«Скоррррее уже!» — раскричались сороки.

Уже! Бегу и падаю! Нет, так-то вообще я собиралась поторопиться, но вот сейчас все настроение пропало. Гады они бессовестные, а не сваты с женихом! То ли дело вчерашние — и бусами заманивали, и вином, а уж сарафаны-то один краше другого поднесли, и сапоги с лаптями не забыли, даже совестно как-то обижать было, пришлось лучшую кикимору вместо себя отправлять. И что в итоге? Она предложила выпить прямо там же, на полянке, всех перепила и ушла

гордо, а жениху ползком пришлось восвояси убираться. Слабый мужик нынче пошел. Кикиморы сказывали, раньше добрый молодец полбочонка не хмурая выпить мог, а теперь с четверти замертво падает. Все никак не могу решиться кикиморам страшную истину поведать — бочонки-то в старину разов в десять меньше по размеру были, нежели нынешние. Технологии кузнецкие, дерево мореное и все такое — вот бочки и стали делать больше.

— И чего стоим, кого ждем? — поинтересовался возникший рядом кот Ученый.

— Нет, ну ты видел что удумали, а? — не сдержалась я.

— Он нет, а я видел, — каркнул с крыши Мудрый ворон. — Дело так было: они по плану одну ловушку вырыть должны были да недогляд случился — копатели сначала приняла на грудь, да так, что ровно стоять смогли, только на лопаты опираясь, а потом как разошлись — три лишние ямы закапывать пришлось, так они под шумок те три лишние закопали, а четыре новые выкопали. Сейчас пятаю роют.

— Ироды! — Я аж за сердце схватила. — Да где ж это видано, в моем лесу да погост устраивать?! Тут не место для последнего пристанища!

— Другое удивляет меня, — кот Ученый задумчиво почесал когтем под мордой, — сколько же заплатили им? Видать дорого. У копателей с погоста как оно — за могилу плата вечная, неизменная, пять медяков. И вот как получается — коли больше заплатили, у мужиков-то в голове оплачиваемое количество ям тут же складывается, дескать надо столько-то, и точка. Может, обождем? Уж самому интересно, что из этого уравнения выйдет-то.

— Все бы ничего, арифметика вещь увлекательная конечно, только вот они МОЙ лес копают! — напомнила я.

— Так закапывают же за собой, — выдвинул аргумент кот Ученый, мой наставник по части научной.

— Закапывают али не закапывают — без разницы. Лесу-то, почитай, все равно вред, — высказался Мудрый ворон, мой наставник по мудрости.

— Все, я злая! — заключила я, разворачиваясь и уходя в избу.

И такая злая была, что дверью хлопнула со всей дури... и зря я так, изба-то у меня древняя совсем, ветхая.

— Ой, и весело сейчас всем нам будет, — протянул, мурча, кот Ученый, думая, что не услышу.

— Главное, чтобы леший не вмешался, — вставил грибовик, судя по голосу, он уже из-за деревьев под лестницу переместился.

— Не вмешается, далеко он, да делом занят, — прокаркал Мудрый ворон.

В общем да, в нашей компании только один леший и мудрый, и умный, и сдержанный, и суровый, и вообще ему за нас, почитай, завсегда стыдно, но нас всех это почему-то никогда не останавливает.

— А чем пугать будешь, Весь? — повысив голос, заинтересовался кот Ученый.

— Собой! — рявкнула я.

— Сурово, — каркнул ворон.

— Ой-ой... побегу нашим расскажу, — спохватился грибовик.

— Сорок оповести, — начал мудро наставлять Мудрый ворон.

— Кикимор зови, — умно протянул кот Ученый.

«Книги пришли про любовь любовную и страсть страдательную. Забери, пока леший не увидел», — прошепел на волне лиственного шума дуб Знаний.

Так и живем!

Одно радует — чаща Заповедная сейчас тоже с лешим, так что повеселимся. Уж так повеселимся, что не поздоровится. Причем не нам.

И завершив приготовления, я распахнула жалобно заскрипевшую дверь и шагнула из избы.

И хороша я была. Уж так хороша, что Мудрый ворон клюв от восхищения раскрыл, а с деревьев белки попадали.

Но все испортил кот.

— Ты нос забыла, — меланхолично зевнув, сообщил мой Ученый.

Как забыла?

Подняв руку, прикоснулась к лицу и поняла, что таки да — забыла. Пришлось возвращаться, а это очень плохая примета. Нет, я не суеверная — но сначала могильщики, теперь вот вернуться пришлось, не к добру как-то.

Вошла в избушку, подошла к зеркалу и обнаружила нос, забытый в пудре темно-зеленого цвета. Как упустила — ума не приложу, я же с него обычно всю маскировку начинаю. Что-то день сегодня... странный какой-то. И предчувствие странное. Не нравится мне все это.

Нацепила страшный крючковатый нос на место, лицо дополнительно от души зеленой пудрой припудрила, на руках перчатки в виде крючковатых пальцев с когтями поправила. На голове радовал мой лично взор косматый парик, поверх него шла остроконечная, черная, поганками поросшая шляпа. Поганки сама

растила, и выросли они знатные, на зависть самым замшелым пням. Поверх стандартного грязного плаща, вконец страшный натянула. Так, на всякий случай. Я на него мухоморы и плесень лично крепила и магией зашивала, по плечам вообще здорово получилось — седой такой мох, с пауками. Пауки не живые, не изверг же я над живыми так издеваться, но так-то издали не различишь. Не часто я это все надеваю, но это ж надо было придумать, заявиться ко мне и в *моем* родненьком лесу ямы копать без спросу, без разрешения. Совести у них нет!

И подхватив клюку, я зашагала легко и весело навстречу неприятностям — ждут ведь, как же не прийти.

* * *

Не доходя до места действия, пришлось остановиться и не то чтобы дух перевести, а скорее, чтобы спокойствия хоть немного обрести. Сваты с женишком за дюжину могил заплатили, не меньше! Потому как разошедшихся копателей с погоста уже погнали взащей, но мужики попались ответственные и, отойдя шагов за двести от поляны, размялись, скинули кожухи, взялись за лопаты и...

Треснув клюкой оземь, мигом перенеслась к этим индивидам чрезмерной ответственной и повышенной работоспособности и восстала прямо перед ними, на пути вырывания очередной могильной ямы.

Дальше была беззвучная сцена. Я молча развела руками, намекая на то, что «Мужики, а вы не охамели?!». Мужики же посмотрели сначала на небо, удостоверились, что как бы не сумерки вовсе, а вполне себе утро, потом уже с удивлением воззрились на меня.

— Упыриха? — сильным прокуренным голосом недоуменно спросил глава могильной бригады.

— Ведунья. Лесная, — сообщила я, пребывая в ярости.

— Такую не знаю, — признался главный копатель, почесав затылок. — Но голос молодой, звонкий, стало быть, девка обычная.

Это я-то обычная?!

— Токмо страшная очень, — добавил он же. — Сходи, умойся, что ли. А еще нос у тебя кривой.

Чуть клюку не обронила. А потом вспомнила — амулет голосоизменятельный активировать забыла. Нет, ну денек сегодня явно не задался.

В общем, амулет активировала, нос поправила и прямо спросила:

— Бежать хотите быстро или очень быстро?

И на сей раз от гласа моего даже листва затрепетала. А мужики ничего, переглянулись только, кожухи свои поподнимали, отряхнули старательно и обстоятельно, на себя надели, да и главный сказал:

— Зачем же бежать? Так и вспотеть недолго. Так дойдем, потихоньку-помаленьку. Потихоньку оно всегда верней, чем по лесу сломя голову нестись. Да и лес ведь заговоренный, даже ведунья лесная есть...

И тут мужики, а было их семеро, на меня воззрились повторно. Сообразили, наконец.

— Брысь! — прошипела я, ударяя клюкой оземь и открывая им тропу короткую, что сразу из лесу моего вела.

А то мало ли, вдруг еще шагов через двести у них опять ответственно-копательный инстинкт проснется.

Но не тут-то было. Мужики взяли и... обиделись.

— Да ты чего, ведьма лесная? Мы тебе что, котейки приبلудные, что ли?

— Хм, — нос опять поправила и добавила зловеще: — Ну это не я, это вы сами придумали!

И смело магией этих любителей дел лопатных под их изумленное междоусобное мяукание. Может, и не котейки, конечно, но до полуночи окромя «мяу» ничего сказать не смогут. Ибо нечего в моем лесу ямы копать да со мною же спорить!

И вот восстановив справедливость с копателями, я пошла разбираться с их нанимателями.

* * *

Вообще разбираться ни с кем не хотелось, хотелось к дубу Знаний, книги забрать да в избе схоронить, чтобы уж потом, опосля всех дел лесных, посидеть с чайком и свечкой, почитать на досуге, отдохнуть там.

Но, увы!

Так уж вышло, что у нас, ведуний лесных, имеется кодекс гостеприимства. Перекочевал он к нам не то чтобы очень давно, я лично вообще по сей день понять не могла, зачем оно нам все вот это, однако же кодекс обязывал принять гостей с почестями. Нет, никаких в избу пустить, накормить, в баньке попарить уже не было, не прошлый век, но вот уважение проявить, принять, дары как минимум посмотреть — этот кодекс обязывал. Жаль гостей больше не надо было кормить, а то я по первости и пирог из свежей зелени с гусеницами живыми да отборными, и земляной пирог с червячками довольными, и салат из мухоморов с поганками с большим удовольствием готовила. Червячки с гусеницами сами приползали, порой под

шумок к ним и змеи примыкали: повеселиться это каждый завсегда рад, и не важно, насекомое ты или иное ползучее существо, чувство юмора оно всех объединяет. Но полгода назад правила приема гостей в Заповедных лесах изменились, только вот являться все равно было обязательно.

Ну я и пошла, куда деваться-то.

Шла мрачно и решительно, во-первых, за могилы было обидно, во-вторых, весь день мне, гады, испортили. И, в-третьих, не надо в мой лес лезть, когда у меня настроения нету! А у меня его уже нету!

«В кустах малины схоронилися», — прошептал мне ветер.

Это в тех, откуда самый лучший вид на могучий дуб, под коим ловушку вырыли? А, вижу-вижу, и яму, травяным настилом покрытую, и пень, откуда-то приволоченный, на коем бусы рябиновые, бусы черные каменные, бусы белые жемчужные. Не поскупились на подарки. И на ямокопателей не поскупились тоже... Ну да ладно, с могильщиками разобралась уже, теперь можно и на заказчиков позлиться.

— Кхе-кхе, — начала я, приблизилась к третьему повороту от могучего дуба. — Ой, чую-чую, духом чело-вечьим пахнет...

И тут у меня глаза заслезились. Здесь духом-то чело-вечьим не просто пахло — разило, да так, что и с ног сшибить могло! По ходу они тут не только могильщикам от души наливали, но и сами делу питейному оказались не чужды. Причем, судя по перегару, пить со вчера еще начали, то есть... Опытные, что ли?

Тут все дело вот в чем — у короля нашего Полесского, чтоб его приподняло да и бросило, и разов так двадцать, планы появились завоевательные. И так

он к этому делу страстно подошел, что позаканчивался быстро мужик военный, вот король за невоенных и взялся. И коли старший сын — того в покое оставляли, на развод так сказать, в смысле для разведения, чтобы не кончились парубки-то, а то военных планов у короля было лет так на тридцать вперед, так что он на будущее думал сразу. А вот сыновьям вторым, третьим и так далее, тем следовало явиться по месту сбора и отдать дань отечеству, только знали все, что монарх у нас к делу военному неприспособлен, воин своих не бережет, а еще скуп до неимоверного — порты и то под расписку отдает, а жалованье так вообще не платит. В общем, не желал люд честной идти на войну, ну никак не желал. Думал король, думал и вот что придумал: «А те, кто ведъм обученных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

Обученные ведьмы закончились очень быстро, и в основном путем переселения в иные, менее матримонially настроенные королевства.

И тогда король новый указ издал:

«А те, кто дев водяных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

Вообще расчет монарха был на то, что простой люд смекнет, что уж лучше на войну, чем такой брак, но король просчитался, и сильно. Потому как, с одной стороны, мужики предпочли русалок военным походам, а с другой стороны — водяным дело сие не понравилось, и пару недель король, решивший случайно в озере городском искупаться (ну случайно очень переброшенный через то озеро мост каменный прогнил и поломался, совсем случайно), радовал подданных двумя внушительными синяками на все лицо. Водяные ребята суровые, их вообще лучше не злить.

Закон про дев водяных изменен был в тот же день, пока еще глаз второй, которому меньше досталось, не заплыл у короля. Но потом-то его монаршество давай дальше думать. И вот ничему его жизнь не учит, вообще ничему, и издал он такой закон:

«А те, кто дев лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

А нас, лесных ведуний, мало того что мало совсем от природы существует, так еще и доброму большинству из нас лет за сотню как минимум. И, казалось бы — кому на старой карге жениться захочется, но, увы, желающие нашлись. Не из простого народу, те здравомыслием отличались, а вот вторые сыновья помещиков, баронов и прочей знати здраво рассудили, что жена не стена, можно и подвинуть, благо денег на любовниц хватает, и давай хватать дев лесных, даром что столетних.

И деваться-то нам некуда особо — кодекс гостеприимства тех, кто по правилам пришел, обязывал нас явлением своим уважить да дары хотя бы посмотреть, а дальше уже можно было от ворот поворот, за шкирку вышвырнуть прочь, клюкой погнать тоже можно... Но суть-то в том, что простой люд так прогнать-то можно было, но эти-то приходили с магами. И вот тут-то начиналось...

Ладно я, я злые намерения за версту чую, а обычным хозяйкам леса приходилось несладко. И дары бывали зачарованными, и бусы обращались кандалами, и платки падали сетью, ноги сковывающей. А дальше путь недолог — убежать из лесу Заповедного завсегда проще, чем в него зайти, если лесную ведунью схватить удастся.

Но это ведунью обычную, а меня лучше не злить. А они разозлили.

И я вышла из тени дуба, одним шагом, медленно и страшно. А за мной тьма лесная стугутилась, образ дополняя. Ой и страшна я была, а уж зла-то как!

И тут из кустов раздалось:

— А это точно морок или она и вправду такая страшная?

— Это морок.

Голос второго был надменно-презрительным — явно маг. Недовольный тем, что вынужден в этой затее участвовать, но явно плата была хороша, вот и сидит покорно, и даже отвечать соизволит. Видать, действительно много ему золота отвалили.

— А можете морок-то... ик... снять, а то зело страшная, а мне же ее у алтаря целовать придется, — голос был совсем молодой, и язык заплетался.

— Я не раскидываюсь силой по мелочам, — раздраженно ответил маг, — и да — это, как я уже и сказал, просто морок.

— Чем докажешь? — раздался низкий баритон.

И он мне каким-то знакомым показался.

Маг выругался, помянув тварей Сумрака, и отчеканил:

— Лесные ведуньи тоньше раза в два. Они питаются травой, ягодами, плодами и кореньями. Данная же... особь, судя по объему плеч, определенно любит поесть. Так что морок, и без вариантов.

Травами да кореньями — ага, уже. Я, может, и пирожки уважаю, и булочки жалую, и в целом поесть очень даже люблю.

И подправив амулет, меняющий голос, я коварно прошамкала:

— А еще магов люблю, до хрустящей корочки прожаренных.

В кустах стало тихо.

— Она нас слышит? — вновь знакомый баритон.

— Нет, — но у мага определенно начали сдавать нервы, — это — лесная ведунья, она не способна...

— И еще как способна, — шепотком листвы маличника встряла в его речь я.

Стало совсем тихо.

— Ой чует мое сердечко — не морок это, — заныл выюноша явно женихательной сущности.

Презрительно фыркнув, маг вскинул руку, и раздался сухой щелчок.

Пахнуло озоном. В лесу как-то сразу посвежело, как после дождя. Тьма за спиной моей рассеялась, через ветви деревьев проглянуло солнышко и все восхитительные детали образа моего волшебственного подчеркнуло. Вообще все. От носа зеленого до зеленых кистей рук с черными загнутыми когтями.

— Не понял, — потрясенно сказал маг.

Снова вскинутая рука, снова щелчок пальцами ухоженными, озоном опять пахнуло. Прямо не погода, а красота — я аж полной грудью вдохнула и, шляпу кокетливо поправив, протянула издевательски:

— Да что ж ты так надрываешься, милоч? Красивая я, красивая. Красота прямо неписаная, али не видно тебе? Так иди ко мне, родненький, зрение подправлю. Клюкою. С размаху. Сначала один глаз, опосля второй. Физическая терапия называется, очень штука полезная, тебе понравится.

Ухоженная рука с отполированными ногтями медленно втянулась в малинник.

— Это не морок! — в ужасе выдохнул маг.

Естественно не морок, я что, зря, что ли, нос себе этот лепила, пудру мшистую закупала пудом цельным? Я, кстати, вместе с пудрой соль себе купила, тоже пуд, так соли еще на три года вперед, а пудра уже заканчивается. Вот что за времена настали?

— Как не морок? — пробасил кто-то знакомый.

— Э-э-э... — раздалось в кустах потрясенное от явно прозревших и протрезвевших, и, судя по голосам, их там собралось больше, чем могилокопателей.

— П-п-папа, — проблеял явно женишок мой.

— Это какая-то неправильная лесная ведунья, — решил не терять авторитетности маг и потому сделал такое вот авторитетное заявление. — Вы мне оплачивали захват стандартной ведуньи, а эта...

«Магов любит, — зашептали ему кусты малинника, — особенно ухоженных. Ой, как любит. И не только есть...»

В следующее мгновение маг без слов рванул прочь, теряя на ходу белобрысые патлы, под которыми обнаружилась вполне себе внушительная проплешинка. А маг, не способный нарастить себе волосы, это нечто невероятное, и потому делаем закономерный вывод — от стрессу облысел, причем вот только что.

— П-п-папа, я передумал, я на войну пойду! — заявил кандидат в мои супруги.

Ну вот, совсем другое дело.

Коварно усмехнувшись, я носом повела, а нос у меня был ого-го — пятый по номеру, самый здоровенный в моей коллекции, почти в локоть длиной, и двигался он так, что самой в зеркало смотреть страшно было. Затем рукой когтистой косму зеленую поправила кокетливо да и голоском игривым прокаркала:

— Ой, а кто это там такой молодой да пригожий?

В кустах кто-то дернулся, икнул испуганно и задал стрекача не как маг, красиво виляя и проявляя явную сноровку в деле исчезновения с места возникших трудностей, а прямо напролом, через кусты и травы, невзирая на то, что тамочки, между прочим, заросли крапивы были, да еще дальше тоже росла малина ди-кая и не в меру колючая. Но будем честны — отборная! Сама сажала!

И загордилась собой по праву, когда раздались вопли сначала мага, который в малине опасности не заметил, а потом и того, кто этого самого мага снес не глядя и рванул далее, продолжая орать, но все равно не останавливаясь ни на миг.

То-то же. А то, понимаешь ли, приходят без спору, без приглашения, могилы всяческие копают, планы поженительные строят. И никакого тебе уважения к хозяйке леса Заповедного.

Однако вот мне все же стало любопытственно — кто ж там так споро улепetyвает, ни крапивы, ни малиновых кустов не убоившись?

Прикрыв глаза, ударила клюкой оземь да в птицу вспорхнувшую перенеслась на миг, глазами ее свысока взглянула — улепetyвал сын барона Коварда. Первый парень на деревне... тьфу ты, в смысле в городе. Плечистый, румяный, волосы что пшеница спелая, глаза как васильки луговые, девки от вида его сами к ногам его падали, да только вот незадача — наследником Осол Ковард не был. Был он сыном младшим, а соответственно наследства лишенным, и потому светила ему либо служба в армии королевской, либо — «А те, кто дев лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются». Вот для таких я и наряжаюсь так, что опосля мужикам уже и черт не страшен. Зуб даю,

накладной который, что от сегодняшней встречи с «прекрасною девою лесною» уже поутру баронов сын сам радостно в армию сбежит.

— М-да, — раздалось в тех же кустах озадаченное от барона, — у меня теща и то симпатичнее будет.

— Моя в сравнении с этим вообще красotka, — с видом знатока заявил его верный оруженосец, он же и глава стражи.

Приятно, когда твои старания так высоко ценят! Просто у барона теща — ведьма. Как есть ведьма, и нос у нее, в отличие от моего, вовсе не накладной.

Отпустила я птицу верную, снова в тело свое вернулась. Оценила обстановку задумчиво да клюкой оземь ударила. От удара моего схлопнулась ловушка, сгорели сонные травы, сватушками запасенные, да к моменту, когда голодное магическое пламя рычать перестало, уже неслись прочь «охотнички по невесту», мчались во весь опор, едва поднявшегося мага снова снесли, но баронского сына все равно не обогнали — быстро бегаёт парень, этот даже в пехоте не пропадет. В итоге маг убегал последним, теряя волосы, амулеты, сапог один и даже кинжал. А мне такого добра не надоть — вернула все, украсив цветочками и добавив записочку: «Вертайся назад, милый, уже я тебя пацалую...»

Опосля такого маг совершил знатный рывок и красиво обогнал Осола Коварда — оба были хороши, на ветру словно грива и хвост развевались волосы да ошметки изорванной одежды. Загляденьице!

Под дубом со смеху катался грибовик, довольно усмеялся кот Ученый, каркнул издевательски вслед «сватам» Мудрый ворон, сойки пересмешницы с сороками переругальщицами гнали войско женихательное до самой опушки леса. Один не в меру добрый волк

пытался вернуть магу мое послание, видать, думал, там что-то для мага важное, а потому невдомек ему было, с чего вдруг этот, к которому лесной зверь со всей душой, между прочим, отнесся да помочь решил, вдруг завопил и побежал вообще быстрее ветра.

Славненько вышло, прям душа порадовалась.

Постояла, с улыбкой насмешливой поглядела вслед убегающим и вдруг ощутила, что по самой кромке моего леса Заповедного обоз идет. Идет крадучись, но правила соблюдая — одной ногой по тропе, хоть и тайной, но той, что путникам посвященным открыта, второй — по границе человеческих земель. Шагают, покоя леса не нарушают, веток не ломают, оленя, на тропу вышедшего, не тронули... контрабандисты, значит.

Коснулась дерева ближайшего, открывая заповедную тропу, да и пошла напрямиком к гостям незванным, но уважительным и к моему появлению определенно готовым.

* * *

Обоз вел Савран, сын Горда-кузнеца, он знал меня и как вести себя знал тоже, а потому, едва я шагнула на тропу перед обозом, тут же подал сигнал всем остановиться, стражам луки опустить, мечникам мечи в траву кинуть, пленникам не двигаться.

— Здравствуй, госпожа ведунья лесная, — засуетился Савран, раскладывая на траве кошель с золотом, кинжал костяной, зеркало ручное, в серебро закованное, мешочек с жемчугом морским — дорого откупался, ой и дорого. Слишком дорого.

Странно это.

— И тебе не болеть да здравствовать, Савран-купец, — вновь активировав амулет искажения звукового, произнесла грубым страшным голосом, взглядываясь в клеть с невольниками.

Хотя как сказать «невольники» — тут практически все и всегда по своей воле были. На услужение они шли. К западу от леса моего Заповедного через море Кипенное лежали земли жен суровых, что и нож, и меч держали уверенно, да мужчины их не меньшей суровостью отличались и о покорности речи среди мужей не шло. Среди жен тоже. Потому и возил Савран живой товар туда, где платили за него высокую цену, где юноша становился мужчиной мягким да покладистым и жил в роскоши, не трудясь от зари до зари на пашне или у горна, да и в армию на убой идти уже не надобно было.

И казалось бы, выгода всем и во всем. Но поменялось все после новых указов короля. Его-то понять можно — такие, как Савран, отбирали лучших — молодых, здоровых, крепких, что и в нашем королевстве требовались как воздух, особливо ввиду военных амбиций правителя.

— Все рабы по воле своей, госпожа ведунья, — с поклоном сказал Савран.

Да голос его дрогнул.

Лжет, стало быть.

Странно, совсем странно. И откуп слишком дорог, и лжет мне Савран вообще впервые, и самому ему этот факт неприятен очень. Савран — купец честный да совестливый, а вот сейчас, почувствовала я, на душе у него груз тяжкий. И нечисто явно дело с рабами, надо бы проверить.

— По своей воле, говоришь? — переспросила я да и шагнула к обозу.

Странно, за последние пять месяцев первый обоз, что до моего леса дошел, так-то их обычно на полпути ловили да разворачивали. С чего тогда этих не тронули, а?

— По своей! — воскликнул торопливо Савран.

Да поздно было, заподозрила уже ведьма неладное.

— По своей? — переспросила, мерзко подхихикивая.

И саму от мерзости голоса передернуло — хороший у меня амулет искажения звука, самое то для зеленомордой старушечки с зеленым самоподвижным носом, но от смешка магического даже мне порой жутковато становится.

Горбясь больше для порядку и образу, меньше за счет того, что так видно было лучше, прошла вдоль обозов с тканями да украшениями. Дошла до клетки с вьюношами да и начала просматривать каждого в отдельности. Хороши молодцы — статны, высоки, плечисты, на меня глядят с любопытством и настороженно, но мысли у всех светлые — о будущем в достатке, о женщине, что на себя заботы трудовые возьмет. А еще о том, что в Замории женщины красотой славятся, и о том, что за каждого Савран хорошие деньги их семьям оставил, он честен в этом плане, и не придется парням теперь на войну идти, на погибель верную... Да только, отчего же вас, молодцы, до самой границы-то пропустили? Да еще не самоходом разрозненным, а вот так, обозом цельным? Странно это. Ох и странно. Савран умен, троп много знает, но даже для него это слишком большая удача, чтобы быть просто случайностью.

А потом я увидела его.

Впрочем, нет, его самого не сразу. Сначала тень, мрачную клубящуюся тень несправедливости чудовищной, что нависала над ним будто туча грозовая, что отравляла его, словно яд смертельный, что порвала его душу и сковала руки. Несправедливость стала приговором его. Несправедливость жуткая, даже в груди что-то сжалось болезненно.

А мужчина... Самый страшный из всех оказался. Худой, изможденный, шрамами многочисленными покрытый, и даже взгляд на меня не поднял, словно в целом утратил интерес ко всему окружающему да безразличие обрел как у покойника. Будто труп уже, только жив вот еще, да вряд ли его это радовало. И сдается мне, наложил бы он на себя руки давно, только в отличие от остальных пленников — рабский ошейник на нем уже был, и не простой, а активированный, стало быть, и амулет подчинения имелся.

— Пропусти нас, госпожа лесная хозяйка, — взмолился подошедший Савран, — корабль ждет, да и юношей от участи страшной спасаю, ведаешь ведь.

Ведаю, да. Много ведаю. Ведаю даже то, что за мужчиной этим, на умертвие походящим, беда идет. Беда страшная, беда гибельная. И кровь прольется. Много крови. Беда... я на губах ее вкус ощущаю, как чувствую и вкус смерти стоящего рядом со мной сына кузнеца. Смерть ты везешь, погибель свою, Савран сын Горда, да родным твоим кончину страшную в дар чудовищный уже оставил.

Но и сам пленник опасен. Уж не знаю чем, навряд ли как гибель его ждет да гибель скорая, и сил у него с каплю дождя моросящего — едва-едва на вдох-выдох хватает, а менее опасным мужик от этого почему-то не кажется. Да и за жизнь свою заставит заплатить

дорого, уж не ведаю как, но чую отчетливо — этот заставит.

И может, стоило бы оборвать жизнь раба этого здесь и сейчас, нетрудно ведь: ядовитые шипы призвать, удар незаметный нанести — и не будет той опасности, что раб с собой несет, да только... несправедливость и так над ним. Жгучая, жуткая, невыносимая несправедливость. И не знаю я, в чем обвинили его да за что приговорили, но подкуплены были судьи, солгали свидетели — не было вины на рабе этом. Не было ее.

И что же выбрать — беды избежать малой кровью или исправить несправедливость? Истинная лесная ведунья выбрала бы убийство. Да только я не просто лесная ведунья, я — ведьма. А ведьма завсегда за справедливость стоит.

Иэх, была не была!

— Пропущу я тебя, Савран, — проговорила, в раба глядяваясь, — и пропущу, и на тропу тайную выведу, так что у корабля своего через час будешь, да только... я, знаешь ли, женщина, мужчину хочу.

И пленники, что с интересом меня разглядывали, в едином порыве назад отпрянули, явно не горя желанием становиться моими мужчинами. Всех проняло — даже этот, с глазами, застеленными пеленой ненависти, голову поднял да на меня так посмотрел, что идея с шипами ядовитыми единственно верной показалась, единственно правильной.

— Помилуйте предки! — испуганно отшатнулся от меня Савран.

— Хе-хе, — мерзко шепелявя, похихикала я.

И передернуло пленника. На меня он теперь смотрел не с ненавистью — напряженно скорее, словно почувствовал, какого «мужчину» старая карга выбрала.

— Да как же?! Я неволить не смогу, а самолично не пойдет никто, госпожа леса хозяйка, — растерянно пролепетал Савран.

— Этот пойдет. — Я указала крючковатым пальцем с жутким черным когтем на пленника. — Ты мне амулет подчинения дашь, он и пойдет. Не так ли, Савран?

И взгляд перевела на сына кузнеца. Думал торговец недолго — с шеи снял амулет да мне протянул с поклоном. Я же кулон концом клюки подхватила, но даже ей, моей верной помощнице не по себе стало — амулет рабский из дерева делают, из кожи, из меди в крайнем случае, но чтобы из закаленной стали с серебром?! Поднесла я амулет этот поближе, разглядывая внимательно, да и оторопела на миг, покуда осознание приходило жуткое. Ох, Савран-Савран, это ведь не просто амулет подчинения, это артефакт, волю ломающий. Вот она где беда! Вот от чего столько людей-то гибель ждет! Вот почему соврал мне купец!

Подняв взгляд от артефакта, посмотрела на бледного купца и сказала едва слышно:

— Что же ты, сын Горда-кузнеца, на сделку с совестью пошел? Ради чего, купец?

Побледнел он сильнее прежнего да и выдал как на духу:

— Из-за матерей, что просили сыновей своих от войны уберечь. Из-за товара, что портился на складах, а все дороги закрыты уж сколько месяцев. И когда пришли ко мне люди от короля да пообещали пропустить через посты все беспрепятственно, только лишь за то, чтобы я раба, на смерть осужденного за убийства многочисленные, через границу вывез да за лесом твоим оставил, согласился я. Выхода-то другого не было, госпожа хозяйка лесная.

Покачала я головой отрицательно, на купца глядя укоризненно, да и сказала так, чтобы только он и услышал:

— Это артефакт, Савран. — И клюку подняла чуть выше, к лицу мужика поднеся ближе, чтобы разглядел хоть сейчас, если уж раньше не сподобился. — Не простой он, и цена ему — весь твой обоз, и с живым товаром, и с неживым. И нужен ты тем людям был, только для того, чтобы лес мой Заповедный миновать, а как пленника сдал бы, там бы и ты полег, и все твои обережки с пленниками. Савран, те, у кого денег да магии на такой артефакт хватает, свидетелей не оставляют. Не простое ведь серебро, и роспись на нем не простая. Разве станут подобный надевать на обычного осужденного? Что ж ты, сын Горда-кузнеца, не углядел странности такой?

Пошатнулся Савран.

В лице переменялся.

Дернулся было к обозу да так и остановился, на меня с надеждой взираючи. И понять его можно было — одна надежда у него оставалась, всего одна... на меня, вот и надеялся теперь. Только сделать я для него мало что могла, за пределами леса Заповедного нет у меня силы. Да и как ведунья лесной не пристало мне вмешиваться в дела людские, но ведунья из меня, как из поганки гриб белый, если уж честно.

— От одной беды я тебя уберегу, Савран, — сказала, всматриваясь в дальние границы леса своего, — открою тропу заповедную, лес пройдешь быстро да выйдешь не у Выборга, где ждут тебя, а южнее — у самого порта.

Купец не поклонился даже. Стоял блее мела, на меня глядел с ужасом да одними губами и прошептал:

— Семья моя, жена, ребятишки, родители... люди верные... Ты, госпожа, сказала «от одной беды уберегу», стало быть, от других уберечь не можешь?

Умен был Савран, да только задним умом все мы умные.

— Не от всех потерь уберечь я в силах. Дело уже сделано, Савран, за твою ошибку кровью заплатят многие. Но время пока есть, да и ты, думаю, обоз провёл быстрее, чем ждали от тебя. Так что человека одного из обоза домой отправь, жену твою, ребятишек пусть сюда привезет да и тех, кто причастен, тоже — пропущу через лес беспрепятственно, той же тропой, что и весь обоз. В порту их жди, на том же месте, куда с тропы моей сойдешь. А самому тебе домой вертаться смысла нет, Савран, убьют тебя еще по дороге.

Шатался Савран, как сильно выпивший, горе с ног его сбивало. А все же сумел спросить:

— А родители? Батька с матушкой?

Руку страшную в перчатке когтистой протянула, ладонь купца, от прикосновения вздрогнувшего, сжала сочувственно.

— Мужайся, сын Горда-кузнеца, смерть там, я ее чувствую.

Сгорбился Савран-купец, понял он все.

Вот так в один миг и становятся дети взрослыми, задыхаясь от боли и понимая, что больше ты не сын или дочь, и мир уже никогда не будет прежним.

— Мужайся, — повторила тихо, — сотворенного не вернуть, ты сам муж и отец, ты своей семье нужен.

Отступил купец на шаг, поклонился до самой земли-матушки, произнес с горечью да честно:

— Век благодарен буду, госпожа леса хозяйка.

— Поторопись, время идет, — никогда не умела благодарности принимать.

Савран поторопился и, направляясь к тому, кого домой послать собрался, на ходу дал приказ своим мужика моего выгрузить. Но тут заминочка вышла — охоронники не успели в клеть войти, как парни сами подхватили пленника и передали с рук на руки. Судя по всему, ходить мужик не мог...

А едва его на траву усадили, я клюкой махнула, открывая тропу заповедную каравану да другую тропу заповедную для помощника Саврана. Может, и успеет, может, и спасет, да сдается мне, что не всех, и предчувствие опасности не отпускает... А значит, быть беде. Все-таки быть.

Ну да беда — не завсегда смерть, так что как в лес мой войдут, по ситуации смотреть буду.

* * *

Когда исчезли среди деревьев и обоз, и помощник купца, назад отправившийся, медленно подошла к пленнику, которого усадили да прислонили спиной к стволу дерева, видимо, чтобы не упал. Подошла я близко, страха во мне не было — это мой лес, тут я сила и власть. Да едва приблизилась — усомнилась в безопасности своей. Слишком уверенно смотрели на меня фиолетово-синие, как небо перед грозой, глаза, слишком явной была усмешка, таившаяся в уголке губ.

— Что, ведьма, коли сама рожей не вышла, то и мужика себе под стать выбрала — самого завалищего? — язвительно спросил он.

— Ну, допустим, как мужик ты мне и даром не сдался, — ответила я задумчиво, — но про себя верно сказал — вконец ты завалиющийся, небось уже и под себя ходишь.

Синие глаза сверкнули яростью.

И не то чтобы знакомство мы правильно начали, а все равно на душе приятно стало — знай наших, зазнайка невольничья.

— И кто же я тебе теперь? Раб? — спросил властным да повелительным голосом мужик.

— Охраняб, — поправила я, задумавшись, откуда же у невольника голос такой взяться мог. — Охранять меня будешь, — продолжила насмешливо. — А то, знаешь ли, развелось тут в последнее время желающих под венец меня повести без спросу да без согласия, а я, может, девушка переборчивая, мне по любви надоть. Вот и будешь ты мой верный охраняб, вверяю тебе свою честь девичью.

По мере моих слов глаза у раба спасенного становились все шире и шире, пока явно привычный для него язвительный прищур вовсе не исчез. Судя по всему, мужик, как, впрочем, и все, был искренне убежден, что от квитка моей чести девичьей только поганка и осталась и на нее уже вряд ли кто позарится, но... Но он был раб, а я теперь его хозяйка, так что будет по-моему.

— А за службу...— смирившись с неизбежным, начал было раб.

— А за службу твою верную, не буду к тебе как к мужику приставать, — предложила я.

— По рукам! — мгновенно согласился он.

Видать, лобызаться со мною для него было хуже смерти, оно и неудивительно — страшна я.

Ух и страшна! Я как маску, перчатки и нос надену, сама себя в зеркале боюсь, так что неудивительно, нет.

Другое удивляло меня — от чего ж я опасность чую от мужика этого, что даже ходить не в силах? На вид слабый совсем, одни кости, жилы да кожа, чуть ли не на издыхании последнем, а угрозой веет, да такой ядреной, что чащу Заповедную призвать хочется и жизнь его оборвать решительно. И может, правильно то было бы, да только... несправедливость чудовищная над ним все так же висела тучей мрачною, а я как-то по справедливости все делать привыкла.

И вот стою я, под носом накладным собственный зачесался, никак с пудрой переборщила, и думаю думаю. Оно как — коли мужика к себе беру, надо бы лешего позвать, с ним посоветоваться да к Силе Лесной обратиться, у нее дозволения спросить, но точно знаю — и лешенька против будет, и Силушка Лесная запретит. И мне бы как ведунье лесной поступить полагается, по протоколу, но не могу я так. И скрыть все тоже не выйдет — коли я раба этого в избенки рыбацкие отправлю, помрет он там, как бы ни хорохорился, так что надо в мою избушку его и лечить пусть и бедового, но болезного. В конце концов живет же у меня домовой приبلудный, уже года два как живет, и ничего, пока никто ничего не заметил. Правда, цельный мужик это не тихушный домовой, да делать нечего.

На том и порешила, точно ведая, что влетит мне теперь что от лешеньки, что от Силы Лесной. А еще от беды неминучей, что в лес мой следом за мужиком этим придет, и мне это известно. Ну да кто с бедой ко мне придет, тот сам виноват, я ему не лекарь.

А мужика спасать надобно, он без меня и до полуночи не доживет.

— Подняться сможешь, охранябушка мой? — ласково спросила я. — Али плечо подставить хрупкое, женское?

На плече росла поганка, так что мужик такой вариант даже не рассматривал, и хоть тяжело ему было, а поднялся... С шестого раза поднялся, уж думала помочь, но ничего — встал, шатаясь аки камыш на ветру да за ствол древесный из последних сил держась.

— Что ж ты за него как за родного цепляешься-то? — не смолчала я. — Может, все ж ухватишься за плечо мое нежное, а там, глядишь, и до лобызаний дойдем?

Мужик только зыркнул злобно, а говорить ничего не стал — сил просто не было, все на подъем ушли, а может, понял он, что не хочу я приказывать. Могла бы, достаточно слово сказать да к кулону подчиняющему прикоснуться, но в том-то и дело, что не амулет это был, а артефакт, и волю ломал он необратимо, от того я не хотела его использовать, а мужик... Мужик, видимо, понял это каким-то своим, звериным чутьем.

И точно понял.

— Спасибо, ведьма, — сказал вдруг.

— Да не за что, охранябушка, — усмехнулась я, — давай, милый, два шага — и дома будем. Сдюжишь?

Он только кивнул в ответ.

А я клюкой дважды оземь ударила да и открыла короткий экстренный путь к дому своему. Только вот не два шага тут было, а все пять. Но мужик ничего — первый шаг сделал, на втором пошатнулся и не устоял, третий прополз, к четвертому только рухнул, аккуратно на ступеньки избушки моей. И все бы ничего, только все так же змеилась, клубилась, кралась за ним несправедливость зверская... и как помочь рабу своему, я не знала. Как излечить ведала, а вот как помочь беде его — нет.

* * *

На пороге моей избушки долго сидели мы оба...

Ну как сидели — я сидела, задумчиво подпирая щеку кулаком, и ждала Михантия, а мужик — он лежал кулем почти бездыханным, впрочем, про куль это я утрировала чрезмерно. Хорош был мужик... когда-то давно. Стать, разворот плеч, волосы черные, словно вороново крыло, а ныне с проседью на висках, руки... многократно ломанные, но видать до пыток пальцы были красивые, сильные, меч держали уверенно, да и не только его. Сильный был мужик... когда-то. А сейчас смотреть на него и то больно было.

Когда Михантий появился перед моим домиком, сразу и не понял, от чего это рядом со мной мужик лежит.

— Тяжелый, — сообщила я медведю, одновременно потянувшись за бочонком с медом, который на гостинец ему припасла. — Знаешь, поначалу решила, сама справлюсь, выглядит же как мешок костей, но тяжелый оказался, не поднять.

— Угуррр, — прорычал медведь сочувственно.

А я серьезно чуть не надорвалась. Думала, ну мужик и мужик, тут уж точно только кожа да кости, постелила ему в сених, поставила отвары нужные на плиту, ужин в печку, а как пришла тянуть этого — ни в какую, даже с места не сдвинуть. Пришлось звать Михантия.

— Только ты осторожно, — попросила, поднимаясь со ступенек и отодвигаясь, чтобы медведю было где развернуться, — и так ему досталось.

— Угум, — подтвердил лесной зверь и мой закадычный приятель, берясь лапами за бессознательного мужика.

И тут случилось то, чего вообще никто не ждал — едва когти медведя бережно и практически трепетно сжали изможденное тело охраняба, как мужик вдруг мгновенно пришел в себя, оттолкнулся от ступеней ногами, опрокидывая на спину моего медведя и сноровисто падая следом, чтобы со всей силы локтем острым прямо мишеньке в живот треснуть.

— Ты что творишь, ирод окаянный?! — возопила я, хватаясь за клюку. — Не смей медведя бить, сволочь!

Ирод на меня взглянул, глаза его помутились, и мужик снова вырубился. Прямо на медведе и вырубился.

И вот после всего этого, когда Михантий тащил мужика в сени, я сделала вид, что не заметила, как медведь его пару раз о косяк приложил, и вообще кинул не очень бережно на матрас, свежим сеном набитый, да хоть пинать не стал, усовестился.

— Ну, может, у него инстинкт такой, шкуросохранительный, — глубокомысленно предположила я, пытаясь оправдать нападение одного виновного мужика на одного невинного медведя.

Михантий очень скептически на меня посмотрел, показательно тяжело вздохнул да помычал неодобрительно. Не одобрял в смысле.

— Ничего, оклемается... наверное, — неуверенно сказала я, глядя на мужика, который сейчас больше на груду сломанных костей в мешке походил.

Медведь был со мной не согласен, логика и здравый смысл тоже, но какая ж ведьма мимо несправедливости жгучей пройдет? Правильно — умная. А это явно не я...

— Мед не забудь, — крикнула в спину уходящему медведю.

Тот поклонился благодарственно, бочонок прихватил и был таков.

А не особо умная ведьма осталась и со своим рабом, и с бедой надвигающейся, и с чувством опасности неминуемой, и с цельной жгучей несправедливостью. Та зависла в углу облаком немого укора, напоминая, что пора браться за лечение охранябушки, а то ж до утра не доживет же.

* * *

Всю ночь я как самая умная просидела рядом со охранябом. Сначала вливала в него отвары пипеткой по капле, после часу ночи по две капли, к четверем утра по ложечке чайной каждые пять минут, в седьмом часу я вырубилась на моменте заливания в него отвара уже через носик фарфорового чайничка.

Оно, может, я бы и не вырубилась, но прошлую ночь одна не очень умная лесная ведунья всю эту самую ноченьку читала пошлый рыцарский роман, а на сегодня почитать уже было нечего, от чего спать хотелось невероятно. И в какой-то момент, я только на секундочку глаза прикрыла, чайничек у рта мужика моего удерживая... А дальше не помню.

* * *

Проснулась я утром, спозаранку, часов было восемь, не больше, и разбудил меня низкий мужской голос:

— Девушка, что вы тут делаете?

С трудом разлепив ресницы, обнаружила, что мой охраняб уже очень даже пришел в себя, выпил все из чайничка, и из ведерка допил, и даже самовар, что

стоял рядом опустошил тоже, а теперь будил меня, сладко спящую на его законном спальном месте, хотя я точно помнила, что сидела рядом на низкой табуретке, когда поила его, и вообще не помнила, чтобы перебиралась поближе к болезному.

Проморгавшись, поняла, что, во-первых, мужик слишком быстро как-то в себя пришел, во-вторых, я, не ожидавшая столь быстрого восстановления пленника, несколько была не в образе, а в-третьих:

— Сегодня же суббота!

— Суббота? — нахмурился мужик.

— Ну да, суббота, ярмарочный день! — воскликнула я, соскакивая с его постели.

Охранябушка поднялся тоже, но не столь резво... хотя одно то, что сам с первого раза поднялся, немного смущало. И вообще многое смущало, но не суть-то.

— Ты это, ложись, — приказала я, — ведьма скоро придет, а она ого-го суровая!

Раба это не напрягло.

— И до мужиков охочая! — добавила я.

А вот это уже напрягло, мужик мгновенно сел и принялся изображать бледный и болезненный вид. Но это не помешало ему задать крайне неприятный вопрос:

— А ты... кто?

— А я тебя отпаивать должна была, — практически не соврала я. — Но ты уже и сам все выпил, как я погляжу. Нужник-то сам найдешь?

На меня посмотрели так, что стало ясно — коли не найдет, то у меня тут два нужника появятся, в смысле этот если не найдет, то отстроит с нуля. Решительный такой индивид, явно со всеми проблемами привык справляться сам.

— Вот и славненько, — засуетилась я, из сеней пятясь в избушку, — а я побежала, ждуг меня родители-то.

И юркнув в дом, споро схватила сарафан, натянула его поверх рубашки-вышиванки, в нее вчера сразу переделась, как помыться смогла за пять минут в перерыве между ложечками вливаемого в мужика отвара. Волосы заплела в две косы, украсила лентами с рябиной, взяла корзинку, монеток мелких и, обувая лапти на ходу, попрыгала к двери.

Вот тут-то мы и встретились.

Моя голова и живот охраняба. Но так как живота толком не было, от столкновения стало больно... причем мне.

— Ох ты ж! — только и прошипела.

— Аккуратнее. — Мужик меня придержал, не дав упасть. — Что ж ты как оголтелая носишься?

— Так спешу же! — подавив вопрос о том, как он вообще ходит, выдохнула я.

Выпрямилась и мужика еще раз внимательно оглядела.

В общем... большой был мужик. И плечистый. И опасный такой, как волк-одиночка, которого серые всей стаей разом побаиваются, а еще мужик видел. Избу мою в смысле видел. Для других тут, как ни зайдешь — тьма беспросветная, а этот одним взглядом быстро все осмотрел, да так, что стало ясно, — видит он. И чашку на столе оставленную, и пирожок надкушенный, и книжку...

Книжка!

Я метнулась к столу, хватая томик, засунула в корзинку и обратно к выходу было подалась, когда до охраняба дошла одна только ему видимо ведомая истина:

— Стало быть, ведьме служишь.

Хм, интересное предположение.

— Стало быть — служу, — не стала я отпираться.

И невежливо вытолкав мужика из светлицы, дверь закрыла, а затем добавила:

— Ведьма сказала, тебе до заката есть ничего нельзя, только пить. И спать. И пить, и...

— И спать, я понял, — произнес мужик.

— Ну вот и хорошо, что понял, — улыбнулась ему я и, обойдя его, такого статного да широкоплечего, выбежала во двор.

А то ярмарка же сегодня, могу не успеть, да и леший ругаться будет, если вернусь слишком поздно.

Кстати, о лешем.

— И со двора не уходи, — крикнула мужику в целях конспирации, — лес для тебя опасен пока.

* * *

А вот для меня лес был домом родным!

Самым чудесным местом на свете, самым светлым, самым любимым! И я бежала навстречу новому дню, здороваясь с деревьями, лесными обитателями, нечистью, стадом оленей, матерым волком Хоеном, который сюда, ко мне в Заповедный лес, заходил порой просто побегать словно молодой волчонок, и мы промчались с ним вместе наперегонки до самого дуба Знаний. Тут волк отстал, не любят волки котов, хоть и ученых да магических, а все равно не любят.

— Все выучила? — спросил призрачный кот Ученый, глядя на меня двумя фосфоресцирующими глазами прямо из дуба.

— Выучила! — Я достала книгу, с поклоном протянула ее дубу.

Дуб у меня был необычный, а по сути если уж честно, то сообщником в деле почитания романов любовных, приключенческих, юмористических и вообще. Любили мы с ним почитать, даром что я ведунья, а он дуб-дерево.

— А про что книжка-то была? — с нескрываемым подозрением спросил наставник мой по учебной части.

Обыкновенно дуб устраивал подмену в лучших традициях мимикрии — на любовный роман он цеплял обложку учебника какого-нибудь, чем и маскировал нашу почитательную деятельность. И с одной стороны, ход был умным, но с другой — я опять забыла прочитать название предположительно учебника, так что затея начала трещать по швам.

— Эм... — проямлила я, сильно сожалея, что уже отдала книгу дереву, и нет возможности подглядеть название.

— Ты ж все выучила, — коварненько протянул кот Ученый.

— Так я содержание учила, — попыталась выкрутиться, — а не название.

— Ну-ну, — кот Ученый проявился частично, растянулся на ближайшей ветке и промурлыкал: — Тогда рассказывай, Весенька, о чем книженька-то была, что нового из знаниев тебе дала, чему научила?

Я посмотрела на дуб, дуб молча посмотрел на меня — у нас с ним сейчас было так много общего. Проблема в том, что дуб на новом языке читать не мог, и не важно, что он цельный дуб Знаний, дуб на то и дуб, чтобы старину помнить — вот на стародавнем он и читал, а на современном никак. От того романы ему я зачитывала вслух или пересказывала, если стиль

и слог были так себе, в общем, помочь он мне сейчас вообще ничем не мог. А я не могла сдать нас обоих, и потому пришлось выкручиваться.

— Ой и много знанием поведал мне учебник-то, — начала я, — а уж сколько мудрости жизненной, сколько...

На этом красноречие мне отказало. В целом романчик был так себе — про деву, что на протяжении всей книги размышляла, кого ей полюбить-то искренне и на всю жизнь. С одной стороны, она вроде как любила оборотня, да с другой стороны, у вампиров и жизнь подлиннее, и денег побольше. В общем, здравомыслящая девица сделала здравый выбор в пользу долголетия и сребролюбия. А оборотень от тоски выль на луну... пару дней, а потом новую деву встретил и закрутилось у них... В общем мы с дубом с самого начала симпатизировали деревцу, что в знак любви посадил для девицы оборотень. Seriously, я хотела бы знать, как там дальше дело было у яблони, как росла, какой сорт яблочка дала, как в целом жизнь сложилась? Яблоня в книге вообще самым интересным персонажем оказалась, она даже посреди зимы зацвести умудрилась. Но, увы, все закончилось банальнее некуда — свадьбой. Причем вампирской. А чем там все завершилось у оборотня я вообще не помнила. Однако я бы выкрутилась, не впервой же, только день вчера выдался, событиями сверх меры насыщенным, так что общий сюжет книги я припоминала с трудом, с очень большим трудом.

— Мм-м... как сажать яблони, — вымученно выдала я, стараясь не смотреть на кота, который саркастично взирал на меня, словно все давно знал, и ему просто нравилось меня мучить.

Ибо к совести он взывать перестал давно, осознав, что совести у меня нет. Но у него ее, между прочим, тоже отродясь не водилось!

— Веська, а там точно учебник был али как? — промурчал наставник.

Дуб аки идеальный поделщик, мгновенно схомячил книгу.

— Точно! — прижав руку груди, клятвенно заверила я.

Ну а чего бы и не поклясться, коли доказательств обратного нет?

«С яблонькой что?» — вопросительно прошелестел дуб.

«Слили персонажа», — расстроено сообщила я.

«Вот же ж...» — посетовал мой сообщник.

«И не говори», — поддакнула я.

Кот продолжал внимательно на меня смотреть, я продолжала делать самый честный и невинный вид, а я с этим делом наострилась уже так, что не прикопаешься. И доказательств у наставника не было, так что...

Так что кот Ученый перешел к извечному.

— А к экзамену когда готовиться будем? — укоризненно начал он.

— Эм-м-м... — начала я придумывать очередное оправдание.

— Год до экзамена остался! — поучительно напомнил кот. — Год всего! А ты? Про любовь она книги читает!

— Про яблони, — вставила я.

— Про любовь! — не согласился кот.

— Про любовь к яблоням, — не сдавалась я.

И усатый гневно выдохнул, осознав, что пора переходить к более веским аргументам.

— Смотри, Васька, добегаешься до алтаря самого, вон, поговаривают, товарка твоя вчерась замуж выскочила! А все почему? А потому что охранительную магию не выучила... прямо как ты.

Если честно, я понадеялась, что он издевается. Посмотрела на наставника — но тот, похоже, вообще не шутил.

И я похолодела.

— Как выскочила? — спросила сдавленным шепотом.

Кот высунулся из дерева весь, потянулся призрачным телом, устроился на толстой ветке, скептически на меня посмотрел и сообщил:

— Да поговаривают, маг там был, и не чета тому плешивому, что прошлым днем через малинку нашу повышенной колючести рысаком породистым бежал сломя голову...

— Надо же, беда-то какая, — расстроено проговорила я.

Вообще в сообществе нашем ведуний лесных интересоваться делами было не принято. В целом-то если честно, то не каждая ведунья и говорить-то могла, разве что только по-звериному, ибо преимущественно со зверями же и общалась, ведь во времена стародавние люди в Заповедные леса не совались да и вообще стороной обходили, кто ж знал, что все изменится.

— Так что учись, дева ты моя непутевая, — грозно начал наставлять меня кот Ученый. — Денно и ночью, без сна, без отдыху...

— Котя, я ж так свалюсь на третий день от недосыпу-то! — не сдержалась я.

— А что делать? — развел лапами он. — Суровые времена требуют суровых решений, Вель.

Да уж, вот и поговорили.

— А может, мы того... это... ну его, этот кодекс гостеприимства, к лешему, главное, не моему, а? — предложила я. — Переведем чашу Заповедную в боевой режим — никого не впускать, никого не выпускать, и будем жить себе спокойненько. Опять же — у меня запас пудры зеленой на исходе, я ее уже месяц ищущу по всем ярмаркам, а ее днем с огнем теперь не сыскать, между прочим.

— Кодекс надо чтить, — не согласился с моим предложением кот, — иначе сама знаешь — придет Сила Лесная и никому не поздоровится, он у нас мужик, знаешь ли, суровый. Ну, если все еще мужик..

Да, с этим вот тоже с недавних пор возникли проблемы. Ранее был Дух Лесной и всем все было понятно. Но внезапно дух решил, что сила — оно и звучит красиво, и солиднее так, и теперь вот все, хоть убейся, но отзывался он только на «Сила Лесная», иначе никак.

— Еще не определился? — вздохнув, спросила я.

Кот развел лапами, демонстрируя, что понятия не имеет.

Просто это как-то так не совсем нормально, когда взываешь, выдавая что-либо наподобие: «Ой ты гой еси Силушка Лесная, будь так добр помоги с делом таким-то». «Силушка» и «будь так добр», или «так милостив»... Уже решил бы поскорее, нам-то, простым нечистям, как-то без разницы мужик или женщина, но определенности хотелось бы.

— Поговаривают, главный маг королевский лично за дело взялся, и куда он шагнет, там падают рубежи

охранные Заповедных лесов, — сообщил наставник по учебной части.

— Вот оно как, значит, вконец нейметяся королю, — расстроено подытожила я.

Кот важно кивнул.

И он и я, мы оба знали преотлично, что ведунья лесная из меня никакая. Кое-как живу-существую да лесом пытаюсь по наитию управлять. Если бы не леший мой, даже и не ведаю, что было бы. Так что прав кот Ученый, надо мне науками заняться, лесоведение закончить, правила ведуний наизусть заучить, а не с методичкой вечно бегать, да и способы защиты от магов отработать. Пока что везло мне — чаща Заповедная с гостями незванными сама управлялась, а я, коли требовалось, на силы ведьминские полагалась, но сколько еще везти будет? Делать нечего, придется засесть за учебники.

— И-эх, жизнь моя поганка, — вздохнула я.

Ближе к дубу Знаний подошла, трижды по стволу постучала, сочитальник мой выдал свиток берестяной да карандаш грифельный.

Полчаса под присмотром кота Ученого я список составляла. Хорошо хоть Мудрый ворон не прилетел, а то список стал бы вдвое больше. В первую очередь наставник потребовал, чтобы я трактаты по охранительной магии изучила, но тут я слукавила слегка, и помимо книг ведунических, еще и ведьминские в список внесла. А пользуясь тем, что кот ничего в профессиональном магическом языке не смыслил, добавила книгу по подчиняющим артефактам — так, на всякий случай. Просто мужика-то я спасла вот уже почти, до сих пор понять не могу, как так быстро вышло, а с теми, кто родных Саврана-купца погубил, разобраться все

равно хотелось. Не терплю я несправедливости да злодейств непокаянных. В отношении себя стерпела бы, а в отношении других как-то не получается.

* * *

Написав весь заказ, в дуб Знаний отправила, с котом Ученым попрощалась да и пошла в Веснянки. Ярмарка сегодня только там, в Западянке через неделю, еще через неделю в Выборге, а опосля в Нермине. Мне было удобно — так я одну неделю была Весей из Западянки, которую папенька на ярмарку в Веснянки отправлял, в другую уже Зарей из Веснянок, которую бабушка слала на торжище, в Нермин я ходила сиротой, в Выборг падчерицей злой мачехи. Когда-то думала, зря я так, проще ж правду людям говорить сразу, а потом... нет, не зря. Ох не зря. Давно миновали времена, когда охраняло вече лесных ведуний, давно канули в Лету древуны и культ их Древесного бога. От всей старины полесской только мы, ведуньи, и остались, а в остальном...

Поначалу все казалось несерьезным — король взял и своего бога поставил, одного над всеми. Мы пожали плечами да и внимания не обратили — ну бог и бог, сколько их было и будет... да не тут-то было. Новый бог требовал храмов, жертв и... власти. Власти хотел и король.

И понеслось...

В один год, я еще девчонкой была, отменил король власть вече, отменил и сами народные собрания. В другой — приказал гнать служителей Древесного бога, высмеяв их поклонение идолам деревянным. А потом больше и дальше. Были те, кто против изменений

восстал, но на сторону власти встали маги, и запылали в единый день все храмы Древесного бога. А мы, ведуньи, остались. Остались потому, что сама земля нас бережет, сам лес охраняет да вся нечисть лесная на защиту встанет, коли что не так. Но если... если ведунья за руку с мужчиной в храм нового бога войдет — нити силы рвутся, словно паутинка непрочная... Коварен оказался новый бог али сильны стали маги, кто его разберет. Однако все меньше нас. Мой вот лес вообще ослабел, без ведуньи оставшись, до сих пор восстанавливаю, и работы еще край непочатый. Ну да ничего, справлюсь... как-нибудь. Надо бы, конечно, по науке лесоведческой, но там книга такая — во сколько бы ни начал читать — все равно заснешь странице на второй так. И тут не поймешь — то ли книга заколдованная, то ли я умом не отличаюсь. Сильно подозреваю, что второе.

* * *

В Веснянки я вошла грустная из-за всех этих нерадостных дум.

Махнула приветственно дяде Зоргу, стоящему на воротах, да и смешалась с толпой, ныне странной какой-то. По обыкновению как — все вдоль прилавков ходят, к товарам прицениваются, с продавцами весело торгуются, а сегодня торговые ряды пустые были почти, весь люд честной на площади перед воротами собрался, чего-то обсуждали эмоционально очень. А чего?

Подойдя к бабе Урре, у которой я завсегда творог со сметаной покупаю, низко поклонилась старой женщине, но спросить ничего не успела, бабушка первая заговорила:

— Ох, шла бы ты, Веся, домой сегодня, да скоренько, — и без счета, без взвешивания, протянула мне твою, в тряпицу чистую замотанный.

— А что случилось-то? — с благодарностью принимая, тревожно спросила я.

— Маг случился, — прошептала одними губами баба Урра, — да охальник тот. По вечеру на сеновал увел девку Ванко-кожемяки, с утрца из его комнаты красная как маков цвет Кора, дочка Ветова, вышла. И сама понимаешь — он маг, закон ему не писан и отказу не принимает, а девкам бесчестье на всю жизнь-то оставшуюся. А ты ж, Весенька, девка приметная, мимо тебя точно не пройдет. Иди домой, и денег не надо, уходи от греха подальше.

И не успела она договорить все это, а я уже ощутила взгляд чужой, изучающий. Да такой, что одним этим взглядом явно любые двери открываются, в смысле смотрел маг, и уровень у него был не абы какой. И я отчетливо почувствовала, как маг изучил взглядом и ноги мои, и все что выше, и косы, и профиль. И, видеть, все ему понравилось, ибо решительно направился мужик на завоевание крепости, в смысле чести моей девичьей и всего, что к ней прилагалось. А прилагалось к ней многое. Ой и многое... столько всего прилагалось, что на месте мага я бы раз так сто подумала, прежде чем подходить, а он не думал — с ходу на приступ пошел.

Я почувствовала его прежде, чем мужик материализовался рядом, впритык практически, заставив испуганно вскрикнуть бабу Урру и отшатнуться от нас чуть ли не весь люд веснянский, явно к магическим явлениям не привыкший. А еще определенно не привыкший к тому, что мужик с ходу, с наскоку впритык

придвигается, да так, что и мужу смелому не по себе станет, что уж о девице испуганной говорить.

Только вот адресом маг любвеобильный на сей раз ошибся.

— Извините, неуважаемый, — сказала, неприязненно мазнув взглядом по магу, стоящему настолько близко, что я дыхание его чувствовала, не говоря о масле нательном ароматическом, — я сейчас расплачусь, и вы сможете купить себе творога, раз вам ТАК СИЛЬНО надо.

И казалось бы — охолопись, маг, ведь дева что скромной да испуганной быть должна априори, явно и не скромная, и страху на нее черта с два нагонишь, но нет!

Стоило мне за кошельком полезть, как маг перехватил руку мою и шепнул, шагнув еще ближе:

— Не торопись, милая, сам расплачусь. И за творог, раз он тебе так нужен, и за все, что пожелаешь, красавица моя.

И он сделал пасс рукой, от чего на колени к бабе Урре свалился самый настоящий золотой. Учитывая, что творог два медяка стоил — это была не просто щедрость, это был перебор. Показной, демонстративный и наглый перебор.

Я постояла, глядя на бледную бабушку, после чего наклонилась, забрала золотую монету с ткани ее юбки, не чураясь, опробовала на зуб, задумчиво осмотрела, показно, демонстративно и нагло, и вынесла вердикт:

— А золотой-то не полновесный. Скупердяйничаете, господин маг.

И вернула монету бабушке Урре, добавив положенные две медные.

Затем, обойдя застывшего мага, отправилась дальше вдоль рядов, попутно укладывая творог в корзину.

А позади раздалось от бабы Урры:

— Ггосподин ммаг, ваша мммонета...

— Себе оставь! — рявкнул он.

И направился за мной, шагая решительно и зло. Догнал да заступил дорогу. Не поднимая взгляда, попыталась обойти — не дал, снова заступив путь. Попытка обойти слева тоже не принесла результата. Смирившись с тем, что день сегодня определенно не задался, я развернулась и пошла назад, намереваясь в конце молочного ряда на мясной свернуть. Сама я мясо редко ела, но теперь у меня дома появился мужик, а мужиков кормить же надо... Особенно таких, слишком быстро оклемавшихся. Ой, чую, хлебну я горюшка с ним, ох и хлебну.

И тут случилось неприятное.

В конце молочных рядов вдруг появился новый путь — и вел он явно не в мясные ряды, а куда-то, видимо, туда, где есть кровать и где сразу появится господин королевский маг... А драться с магом такая себе затея, не самая мудрая, потому как и лес мой далече, даже чащу не призвать, и как ведьма я магу не соперник.

Короче мне туда, на путь, в опочивальню направлятельный, точно не надо было.

Остановилась, не дойдя двух шагов до смены пути, затем медленно повернулась и впервые прямо посмотрела на мага.

Маг был... такой маг типичный. Высокий мужчина с черными, зализанными назад волосами, черными, подведенными черной сурьмой глазами, от чего взгляд казался пронизывающим, насмешливо приподнятой соболиной бровью и таким поганым выражением

на морде, которое явно не сулило мне ничего хорошего... А еще маг стопроцентно ждал, что я сейчас сойду на тот самый магический путь, который завершится в его спальне. И вот ведь что досадно — сказать ему прямо, что он козел блудливый, я не могу, местные девушки не бывают столь прямолинейны, вступить на путь не могу тоже, я-то с него сойду, но и тем самым выдам себя с головой — с магического пути только ведьма сойти и может, но маг это обязательно почувет и явится тотчас же, а в прямом бою он меня в два счета уделает.

— Что же ты остановилась, милая? — явно подначил маг. — Иди уже куда шла, раз не мил я тебе.

В своей силе маг был определенно уверен, все окружающие были точно уверены в том, что я теперь попаду к магу в постель, и мое мнение по данному поводу мага вообще не волнует, от того сочувствовал мне людчестной да помочь ничем не мог. А бабка Урра так вообще смотрела на меня с сожалением... Золотая монета так и блестела на ее юбке, не взяла бабушка денег маговских.

А денег у мага, судя по всему, было много...

И я улыбнулась.

Нет, обычно я, как и подобает девице, скромна, почитительна и вообще селянку завсегда изображаю прилежно, но хорошего понемногу. Хочешь поразвлечься, охальник королевский? Сейчас развлечемся. Причем исключительно за твой счет.

— Так за что вы там собирались заплатить? — поинтересовалась я, с вызовом приблизившись к магу и неласково сунув ему в руки корзинку.

Он мужик? Мужик. Вот и пусть таскает, а то мы туточки девушки хрупкие, нам не положено.

— Э-э-э... — Маг несколько раз моргнул недоуменно, но тут же собрался и лукаво гарантировал: — За все, милая.

Ну... он сам это сказал, за язык я его не тянула.

* * *

Спустя час мы уже смотрелись парой, как минимум прожившей лет двадцать в браке, и это был определенно не самый счастливый брак.

— Весенька, поверь мне как специалисту, это хорошее мясо, — шипел маг, указывая мне на идеальную говяжью вырезку.

— Мм-м, даже не знаю, Заратаренька, — капризно надула губки я. — Я-то тебе верю и в тебе ни капельки не сомневаюсь, а вот по поводу мяса есть у меня сомнения. А сомнения, они, знаешь ли, разъедают душу, и настроение, опять же, портится.

Заратарна эль Тарга от моего обращения перекосило в очередной раз, но мужик к настоящему моменту смирился уже даже с этим. Вообще любой бы смирился, если бы пришлось таскать огромную корзину, в которой скромно тулилась моя нехилая корзинка, со всякой снедью хрупкою, а уже в большой корзине имелись копченый свиной окорок, копченый говяжий окорок, копченый карп тоже приличного размера. И да — все это ни в коем случае нельзя было поднимать магией, а иначе: «Ты что, миленький, магия продуктам вредит, излучения же в ней всякие, потом продукты эти хоть бери да выбрасывай!» Так что Заратарн нес все сам, явственно скрипя зубами, и хоть мужиком он был не слабым, а все же пот на лице проступил да и от тела уже попахивало.

— Весенька, это хорошая вырезка! — начал срываться маг.

Надо же, наконец-то! Я уж переживать стала, что не доведу его до срыва нервного. Но дело это стало делом чести, опять же честной народ за меня переживал, а у бабушки Урры сердце слабое, так что не могла я в грязь лицом ударить, никак не могла. А вот мага по уши макнуть следовало.

— Да, но там жилочка. — И снова губки надула капризенько.

У мага задергался глаз.

— Заратаренька, не злись же ты так, а то морщинки будут, а ты маг, тебе лицо надобно хранить. — И я покровительственно похлопала его по щеке, надавав лещей попутно, чтоб жизнь сказкой не казалась. — Сейчас вот вырезку справную выберем, потом в тканевый ряд, а там и за бусиками зайдем, да? Я, правда, еще не решила, какие хочу...

И это стало последней каплей.

Разъяренный маг сорвал с пояса кошель с золотом, сунул мне в руки, махнул ближайшему вознице, загрузил в подъехавшую телегу мою и не мою корзины, сказал что-то извозчику, а затем, развернувшись ко мне, ухватил за подбородок и совершил то, за что его вообще казнить должны были бы на столичной площади.

— К закату придешь в мою спальню, Весенька! — И глаза его вспыхнули синим пламенем, закрепляя приказ магией.

Любая девушка на моем месте сама не заметила бы, как на закате ноги принесли бы ее в постель мага... и от осознания этого я оторопела.

— А вот потом будут тебе и бусики, и издевательство над королевскими магами, — уже без магии добавил Заратарн.

И ушел, оставляя площадь и меня в потрясенном молчании.

И если я была потрясена тем, что маг в открытую, не стесняясь и вообще не чураясь, магию влияния споконечно использует, и народ был потрясен примерно тем же, то стоящий в построюках бык потрясен был совсем иным — в спальню мага на закате предстояло отправиться именно ему, да. И учитывая обстоятельства, один королевский маг решит, что просто слегка перенервничал, от чего преломил вектор направления магии, пребывая в ярости, а одна скрывающаяся ведьма коварно промолчит о том, что преломление было уже ее рук делом...

Но магия влияния! Посреди бела дня! На глазах у людей!!

Что происходит-то вообще?!

«Деточка, — раздался вдруг тихий голос за моей спиной, — кошель заговоренный».

Я обернулась. Вдали, у самых ворот, в деревеньку ведущих, стояла теща барона Коварда. Та самая, которая ведьма, да такая, что ей в отличие от меня накладной нос не нужен был. И та, кто обо мне знала, как и все, кто стоит на сумеречной стороне али на границе ее.

— Ведьма!

— Ведьма! Детей прячьте!

— Товар от сглаза прикройте! — раздалась крики сельчан.

А я как замороженная пошла к ведьме прямоком, словно под магическим приказом находилась.